

The article addresses the problem of the presence of the author's voice in narrative. Personal characteristics of a narrator and the extend of display of a fictive author are analysed. Particular attention is paid to the different narrative levels shifts. Particularities of the frames for the inner stories are defined, the question of metalepsis is observed. The research is based on the short stories by Nadezhda Teffi.

Keywords: fictive author, narrator, metalepsis, frames, Teffi

С.В. Фарафонова,
Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия,
научный руководитель Н.Н. Смоголь

Особенности советского новояза на примере эпоса и лирики 20-х годов

Аннотация: в настоящей статье объектом исследования является феномен советской литературы, предметом – такое лексическое явление, как новояз. На материале произведений Л. Никулина «Бацилла искренности», Н. Огнёва «Дело о мертведе», В. Маяковского «Прозаседавшиеся» приводятся примеры словотворчества, выполняющего идеологическую функцию. Объединяющим началом в искусстве советского времени выступает язык, который является слепком эпохи.

Ключевые слова: советский новояз, Л. Никулин, Н. Огнёв, В. Маяковский, эпос, лирика.

Большевики, пришедшие к власти в результате революции 1917 года, должны были укрепить свои позиции во всех сферах жизнедеятельности. Работа по внедрению новой идеологии велась на всех уровнях, в том числе и языковом. После 1917 года новый язык стал использоваться в качестве одного из средств воздействия на общество, он был призван внедрить партийную идеологию. Но в то же время он стал объектом сатиры. Идеологический компонент проявляется не только в текстах политических, но и – в художественных. Язык советской эпохи, несомненно, имел свои особенности, за что получил название новояза.

Как известно, понятие новояз введено английским писателем Джорджем Оруэллом. В эссе к роману-антиутопии «1984» автор объясняет базовые принципы разработанного им языка тоталитарного общества. Для построения модели новояза Оруэлл обращается к официальным документам Третьего рейха и сталинского СССР. Следует отметить, что советский новояз стал складываться еще до прихода к власти Сталина и установления тоталитаризма, об этом говорит профессор Даниэль Вайсс: «Однако новояз уже давно существовал – и не в вымышленном Англоце, а во вполне реальном СССР. За тридцать с лишним лет до написания «1984» [Вайсс: URL].

По словам российского лингвиста Максима Кронгауза, общей программы создания новояза в СССР не было, но «новоязом называют различные нововведения советской эпохи – от лозунгов и названий пятилеток до канцелярита, от идеологической лексики до сложных синтаксических конструкций, от обращений «товарищ» и «гражданин» до аббревиатур» [Мальцева: URL].

В основе сюжета рассказа Льва Никулина «Бацилла искренности» лежит фантастический научный эксперимент. Доктор Тиман, желая привить своей легкомысленной жене честность, решает провести единственную в своем роде операцию: «При помощи сложных сконструированных мною приборов в нейтрализованной оболочке я могу разводиться культуру микроба искренности. Мало того, я могу привить любому человеческому организму микроб искренности, и данная человеческая особь с момента прививки незаметно для себя и окружающих обретет так называемую искренность, т.е. мысли и слова человеческой особи будут вполне координированы...» [Советский рассказ 1990: 406], – пишет в своем «завещании» герой. Но колба с бациллой разбивается о голову пьяницы Кораблёва, попавшего в квартиру доктора по ошибке.

Имена, фамилии и творческие псевдонимы героев рассказа можно назвать «говорящими», отражающими характер пёстрого общества: семья Клеенкер, Элла и Бэлла, танцор Боб, поэт Котя Гиэнов, артист Занзибаров, Зодиаков, Берг и др. Голоса из всех углов квартиры Клеенкер сливаются в нелепую какофонию, но признания, вызванные бациллой искренности, показывают, чего в действительности стоят их слова.

Светские разговоры гостей Клеенкер отражают новояз той эпохи. Слышатся следующие реплики: «Цустран за нас безоговорочно. Я, как член месткома, апеллирую к массам. Они санкционируют мой протест, и в этот же день я в Эркака» [Советский рассказ: 409], «Вот пример абсолютной неналаженности наших продорганов» [там же], «Мы, старые марксисты, ученики Маркса и Энгельса...» [там же]. Мы видим обилие аббревиатур: местком – местный комитет, РКК – расценочно-конфликтная комиссия, а также продорган, Гарьторг. Рассматривая ключевые особенности языка СССР, Б.А. Карданова выделяет группу коллективизмов [Карданова: URL]. Коллективизм использует в своей реплике Берг, включая себя в общность с положительным признаком – ученики Маркса и Энгельса.

В обращении друг к другу гости используют стандартное для советской эпохи слово товарищ. В ответ на него Берг под влиянием бациллы искренности говорит: «Товарищ... Почему-то сегодня это слово режет слух...» [Советский рассказ: 412].

Интересно употребление слова «редиска» в значении «дурной человек». Берг говорит о себе: «Редиска я, вот кто... Редиска... Снаружи красен, а внутри...» [там же: 412]. Переносное значение это слово приобрело именно в советскую эпоху. Оппозиция выстраивается по аналогии: красный – революционный, белый – консервативный, контрреволюционный.

Бацилла искренности раскрывает настоящие мысли персонажей. Новояз проявляется именно в тех репликах, где герои хотят показать себя как людей высокоразвитых, сведущих в политике, но на самом деле заражённых лицемерием, мимикрирующих под новый строй.

В названии рассказа Н. Огнёва «Дело о мертведе» мы сталкиваемся с неизвестной аббревиатурой, значение которой раскрывается в тексте. Все события строятся вокруг случая, произошедшего в детдоме №5: в сточной канаве нашли недоношенного мёртвого ребёнка. Герои рассказа находятся в оппозиции: «три грации», воспитатели детского дома, противостоят его воспитанникам. Между ними находится инструктор уотнароба Малкин, призванный разобраться в деле с найденным мёртвым ребёнком, вынести наказание виновным. К концу рассказа герой становится на сторону ребят, вдохновляясь их организованностью, сплочённостью и умом.

В статье «Идеологический компонент «советского новояза» Б.А. Карданова отмечает следующее: «Тоталитарный дискурс представляет собой достаточно большой пласт ритуализированной речевой сферы, которая строится на определённых формулах, не обязательно соответствующих тому, о чем говорится. Весь смысл их употребления сосредоточен именно в самом соблюдении ритуала. В тоталитарном дискурсе оппозиция истина/ложь замещается оппозицией правильно/неправильно» [Карданова: URL]. Подобное стремление следовать определённой формуле мы встречаем в речи Малкина: «Вот, значит, товарищи, – мы собрались по тому случаю... ну скажем, по тому высоко-прискорбному случаю, который имел место эээ... здесь, в пятом детском доме. Я не буду говорить о нарушении... ну, скажем, о нарушении общепринятых педагогических правил... нет, здесь дело обстоит значительно хуже... дело квалифицируется здесь, как... ну, скажем, как резкое преступление, да, именно преступление против морали. И наша обязанность, – Малкин вздохнул, как бы проверяя себя, – вскрыть гнойник, удалить источник преступления, – ну, скажем, этого безнравственного преступления...» [Советский рассказ: 395]. В данном отрывке мы встречаем различные речевые штампы, сам Малкин проверяет себя, правильно ли он выстраивает свою речь, соответствует ли она принятому канону.

Самый яркий пример соблюдения ритуала встречается в защитной речи мальчишек. Они следуют строгой организационной модели поведения: проводят совещание, выбирают секретаря, составляют протокол, построенный по правилам. Рассматриваемому делу дети

дают название, которые повергает в шок: «Дело о мертребе, – начал быстрой скороговоркой скуластый малый с приплюснутым носом и тотчас же сконфуженно пояснил: – это я для сокращения времени, потому дело пустяков стоит... Слушали: найден мертреб, предложение разыскать виновных, постановили...» [там же: 401]. Лишь Зинаиду Егоровну, персонажа отрицательного, по мнению автора, возмущает подобное сокращение, она считает это издевательством. Но в сознании детей и самого Малкина это естественно: «Никакого издевательства и нет, – рассердился Зот Мерлушкин. – Тут *сокращение времени* – и больше никаких. Ну вот, постановили. Ввиду отсутствия данных дело прекратить. Мертребу предать закопанию. Вот и все» [там же]. В принятии решения мальчики опираются на ключевую личность в идеологии Советского Союза – Фридриха Энгельса: «Да, дело частное, – презрительно повторил Бирючев. – Такого рода дела нельзя рассматривать как общественные. Может, преступление и есть в том, что скрыли, но как же не скрывать, когда не изжита старая буржуазная мораль. А новая мораль учит превратить отношения между обоими полами в чисто частные отношения (Бирючев заглянул в тетрадку), касающиеся только участвующих в них лиц, в которые обществу и нечего вмешиваться» [там же: 402].

В начале рассказа читатель знакомится с рядом аббревиатур, наводящих на советского гражданина страх. У Малкина возникает идея бросить велосипед, который пришёл в непригодность и лишь мешает ему передвигаться, но он не делает этого: «Нельзя. Казенный. Под суд попадешь. – И перед глазами встали ежедневные знакомые строчки «Известий»: «Ревтриб при ВОХР, рассмотрев дело о растрате госимущества, приговорил...» [там же: 391].

Также в рассказе встречаются такие особенности советского новояза, как эвфемизация и «эластичные» слова. Воспитатели детского дома убеждены, что мёртвый ребёнок был выброшен одной из воспитанниц – Люсей Оболенской. Их обвинение построено на субъективном мнении о девочке, с которой их отношения не сложились. Мнение «трёх граций» о ребёнке основывается на том, что это уже четвёртый детский дом, в котором оказывается Оболенская. За выражением «морально-дефективный ребёнок» стоят личные претензии к Люсе.

Таким образом, в данном рассказе мы видим, как под влиянием государственной идеологии герои выстраивают свою речь и отношения в соответствии с принятыми канонами и ритуалами.

Стихотворение Владимира Маяковского «Прозаседавшиеся» [Маяковский 1971: 7] написано в сатирическом ключе. В названии используется авторский неологизм, определяющий не только тему, но и отношение писателя к отрицательному социальному явлению. По аналогии со словами «проиграться», «промотаться» оно воспринимается как высшая степень действия, которая привела к отрицательным результатам.

Стихотворение открывает перед нами галерею слов новояза:

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в *глав*,
кто в *ком*,
кто в *полит*,
кто в *просвет*,
расходится народ в учрежденья.

Встречаются аббревиатуры Тео и Гукон – Театральный отдел Главполитпросвета и Главное управление коннозаводства.

Саркастично звучит сокращение, для чего Маяковский использует каламбур:

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваныч?» –
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Подводя итог, можно сказать, что В. Маяковский показывает социальные явления и новояз того времени с другой, иронической стороны.

Рассмотрев особенности советского новояза в избранных произведениях 20-х годов, мы можем сделать следующий вывод: такие жанры литературы, как эпос и лирику, объединяет язык. Искусство этого периода – слепок с эпохи. Современность диктует краткость, динамичность, но может привести и к заорганизованности. Нами рассмотрена лишь малая часть произведений и проанализированы наиболее показательные явления, но данное направление работы, безусловно, является перспективным, так как позволяет более полно, целенаправленно изучать литературный процесс.

Литература

Вайсс, Даниэль. «Советский язык», великий и могучий... [Электронный ресурс]. URL: <http://nashagazeta.ch/news/15216> (дата обращения: 25.01.2019).

Мальцева, А. «Краткий курс новояза»: 7 цитат из лекции Максима Кронгауза [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/81241> (дата обращения: 25.01.2019).

Советский рассказ 20 – 30-х годов / Сост. и комм. И.Д. Успенской; Вступ. слово Ю.М. Нагибина. – М.: Правда, 1990. – 575 с.

Карданова, Б.А. Идеологический компонент «советского новояза» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scienceforum.ru/2015/pdf/16635.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).

Маяковский, В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Худож. лит., 1955-1961. Т.4. – 1957. – 452 с.

Faraponova S.V. Special aspects of the Soviet newspeak as in the case of epic literature and lyric poetry of the 1920s-era

In this article, the object of research is the phenomenon of Soviet literature, the subject is such a lexical phenomenon as Newspeak. Based on the matter of "Bacillus of sincerity" by L.Nikulin, "The Case of the Mertrebe" by N. Ognev, "Lost in Conference" by V. Mayakovsky, the examples of the word creation performing an ideological function are given. The unifying principle in the art of the Soviet era is the language, which is an impression of the era

Keywords: Soviet newspeak, L. Nikulin, N. Ognev, V. Mayakovsky, epic, lyrics.

И. О. Гоголева,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Т. А. Снигирева

«Наблюдатель» и характер его точки зрения в поэзии О. Мандельштама 1930-х годов

Аннотация: В данной статье представлен анализ точки зрения лирического субъекта в поэзии позднего Мандельштама: что оказывается в центре внимания лирического субъекта и каким представлен мир в данных стихотворениях. Обращается внимание на функционирование местоимений первого и второго лица. Уточняются и дополняются выводы исследователей-предшественников.

Ключевые слова: наблюдатель, лирический субъект, точка зрения, поздний Мандельштам, поэзия Мандельштама

Одним из центральных понятий нарратологии является «точка зрения», введенное Г. Джеймсом в 1884 году и уточненное П. Лаббоком. П. Лаббок обозначил уровни повествования, на которых возможно присутствие субъекта: 1. План оценки; 2. План фразеологии; 3. План пространственно-временной характеристики; 4. План технологии [Шмид 2003: 77]. В последующем данное понятие разрабатывали и уточняли такие исследователи как Ю.М. Лотман, Б.О. Корман, Т.И. Сильман, Б.А. Успенский, Н.Д. Тамарченко и др.